

Два года назад, в августе. Это было лето, когда пронзительные крики цикад оглушали слух.

Говорили, что прошлый год был самым жарким за всю историю, но и в этом году жара не уступала. Хэвон, ухватившись за ворот футболки, обмахивалась им, пытаясь охладиться, и нажала на дверной звонок. Пакет с мороженым, который он держал в руке после всех выполненных дел, понемногу таял даже в эту минуту. Он быстро нагнулся к идеально чистому, без единой царапины, домофону и показал своё лицо.

— Эй! Открывай давай! — нетерпеливо сказал он.

— Почему опоздал? — раздалось из динамика.

— В магазин забежал, — он поднял пакет, в котором лежало уже подтаявшее мороженое.

Он помахал пакетом перед маленьким объективом камеры. Спустя мгновение послышался мелодичный звук открывающихся ворот. Хэвон толкнул калитку и с веселым возгласом протиснулся внутрь и быстро пересёк знакомый сад.

Хэвону нравился этот район. Тихий и аккуратный. Здесь никого не будил грохот строительных работ по утрам, и не было резкого неприятного запаха мочи возле столбов. Вместо заросших кустов здесь был ухоженный газон, стриженный до идеальной длины, и ярко-зелёные декоративные деревья, за которыми явно следила заботливая рука садовника. Но больше всего ему нравилось...

— Беги, Хэвон, беги!

Со Хэён, перегнувшись через перила второго этажа, безвольно свесил руки и помахал. Он был похож на студента, который наслаждается каникулами: можно расслабиться, валяться целыми днями. Хэвон, глядя на купающегося в солнечных лучах Со Хэёна, опустил голову. Ему вдруг захотелось рассмеяться, но он сдержался. Вдруг, выдаст свои чувства этим смехом?

— Ну уж нет, — тихо пробормотал он, глядя на траву.

Когда он шёл сюда, ноги казались словно свинцовые, каждый шаг давался с трудом, но теперь он легко пересёк двор. Открыв входную дверь и войдя внутрь, он не мог не издать счастливого вздоха. Свежий и прохладный воздух наполнил его лёгкие. Потрясая пакетом, он снял обувь и надел тапочки, а затем быстро поднялся по лестнице на верхний этаж. Он мог бы и с закрытыми глазами дойти до его комнаты, и он ускорил шаг, чтобы быстрее добраться.

Как давно они не встречались? Он с трудом сдержал улыбку, которая хотела появиться на лице, и заглянул в открытую дверь.

— Привет!

— Привет?! Сукин сын, стыдно мне в глаза смотреть?

Ах. Между бровями Хэвона появилась глубокая морщина. Тхэгён, который лежал под кондиционером и во что-то рубился в телефоне, даже не удостоив его взглядом. Он махнул в его сторону ногой, словно бы в приветствии. Хотя они и общались, Хэвон не особенно любил Тхэгёна. Его так называемая общительность казалась Хэвону насквозь фальшивой.

Особенно после того, как Тхэгён узнал его секрет.

Хэвон вошёл в комнату, буквально ковыляя, и вынул из пакета полуплавленное мороженое. Он был не в настроении, и то, что ему придётся делить мороженое с другими, ещё больше испортило его настроение.

Тхэгём, взяв мороженое в обе руки, убрал телефон и резко сел. Он не видел Хэвона уже давно, и выражение лица Хэвона было таким, что казалось, будто он готов был кого-то ударить. Тхэгём не смог удержаться, чтобы не поддразнить.

— Чего ты такой злой? Мы же друзья, помнишь?

— Сам скажи.

Хэвон отвернулся от Тхэгёна. И раздраженно передернул плечами, чувствуя, как хлюпает пока еще не вскрытая упаковка мороженого, как будто она пустая.

Со Хэён лежал на кровати и смотрел на него снизу вверх. Хэвон сделал вид, что он сминает пакет, и тайном нервно сглотнул, пытаясь избавиться от кома в горле.

Но даже спустя два месяца Со Хэён по-прежнему был прекрасен.

Не то чтобы здоровяку вроде него пристало раздавать такие комплименты, но в глазах Хэвона он сиял ослепительной красотой. Настолько, что он даже не заметил, как рука Хэёна потянулась к его бедру. Лишь резкий рывок заставил его вздрогнуть и опустить взгляд. Он стиснул зубы, чувствуя, как губы сами собой сжались в тонкую ниточку.

— А что ты мне принёс?

Хэён, лежавший на кровати, усмехнулся — и перед глазами Хэвона поплыло. Вспомнился тот пошлый сон, где в точно такой же позе... Грязная фантазия. Он резко отпрянул и, чтобы занять руки, сунул ему мороженое.

— На...

— Эй. Я это не люблю. Дай другое.

Со Хэён перевернулся и засунул руку в пакет. И это при том, что он любит именно этот вкус. Хэвон, глядя сверху на макушку Со Хэёна, который нарочно отказывался от специально выбранного для него вкуса, двумя руками расширил отверстие пакета. Со Хэён долго колебался между двумя оставшимися вариантами, затем выбрал клубничное мороженое, положил его на пол и начал разрывать упаковку первого. Хэвон, который собирался бросить мороженое Тхэгёну, неожиданно спросил:

— Ты же сказал, что такое не любишь.

— Это тебе.

— И я такое не люблю...

— Ешь.

Со Хэён протянул ему мороженое, уже освобождённое от упаковки. Нехотя приняв продолговатый чёрный брикет, он прикусил его краешек. Не самый приятный вкус, ради которого стоило специально напрягаться. Когда он вонзил зубы глубже, раздавив десерт коренными, во рту расплылся приторно-сладкий привкус.

Хэён, не отрывая от него глаз, заметил, как дрогнул его кадык, и рассмеялся, блеснув ровными зубами. Хэвон откусил ещё кусок и встряхнул лёгкий пакет. Осталось только дынное.

— Юн Хэвон! А я?! Я тоже хочу!

Ответа не последовало — только летящий в его сторону пакет. Тхэгём поймал его, выудил мороженое и скривился, будто увидел нечто отвратительное.

— Ох, ну почему именно дыня... Ну почему...

— Не нравится — не ешь.

Мороженое, уже наполовину растаявшее, начало стремительно терять форму. Липкая сладость капала с пальцев, сжимавших палочку, заставив его торопливо поднести руку ко рту. В тот же миг в ноздри ударил странный запах — резкий, терпкий, как дешёвые духи.

А потом по его коже скользнуло что-то влажное и плотное.

Распахнув глаза, он обернулся к Тхэгёму, который уже успел отшатнуться.

— Ты спятил?

— Таяло же.

Пожимая плечами, Тхэгём спокойно развернул свою порцию и пробормотал: «Клубника лучше». Взгляд Хэвона дёрнулся, скользнул в сторону Со Хэёна. Тот, распластавшись на кровати, смотрел так, будто его сейчас вырвет. Словно он увидел нечто абсолютно бесконечно отвратительное.

— Отвратительно...

Фраза прозвучала нарочито небрежно, растянутое «отвра-а-атительно» скорее походило на детский каприз, чем на серьёзное заявление. Но какая, в сущности, разница?

Хэвон разом отправил в рот остатки мороженого и наморщил лоб — пусть хотя бы подумают, что это от резкого холода, ударившего в висок.

Хэвон, притворившись, что направляется в туалет, вышел из комнаты и зашагал по коридору, чтобы юркнуть в другую комнату.

Этот дом он знал как свои пять пальцев — с детства бегал тут взад-вперед, так что ориентировался в нем даже лучше, чем сам хозяин, Со Хэён.

Он без тени сомнения принялся рыться в ящиках — Хэён никогда не делал замечаний по этому поводу, так что и сейчас не было причин сдерживаться.

Пройдя в кабинет (вернее, в помещение, которое формально считалось кабинетом, а на деле было обычным складом), Хэвон развалился в массивном кресле.

Беспричинно крутанул вращающееся сиденье, рассеянно наблюдая, как комната перед глазами расплывается в смазанном калейдоскопе.

Так, если подумать, прошло уже немало времени. С тех пор, как он встретил Со Хэёна. С тех пор, как влюбился.

Если вспомнить их первую встречу, то именно Со Хэён подошёл первым, используя имя как предлог.

— Ты же... тот, с похожим именем. Юн Хэвон, верно?

Тринадцатилетний Хэвон, прятавший окровавленный нос — ему не хотелось, чтобы видели, как

его избил одноклассник, — поднял глаза на Хэёна, стоявшего против солнца, и услышал эти слова.

И недовольно скривился, словно бы говоря «чего тебе?»

Со Хэён беззаботно рассмеялся, несмотря на колючий взгляд Хэвона.

Тот момент до сих пор ярко стоял перед глазами: нимб — так это называется, да? — ослепительно сияющий круглый ореол за головой Со Хэёна.

Хэвон на мгновение прищурился от яркого света — и проморгал очередной удар.

В тот день Хэвона от души избили.

А на следующий — с опухшим лицом и синяками — он уже стал другом Со Хэёна.

Со Хэён был странным.

Что бы ни привлекло его внимание — он тут же тыкал в это пальцем, а когда интерес угасал, безжалостно бросал.

Так было с плаванием. Так было с боксом. С учебой — тоже. Да и с людьми — не иначе.

За десять лет он сменил бесчисленное количество увлечений — крепкое положение семьи позволяло. Но среди всего, что он не отшвырнул в сторону, оставался Хэвон.

Бедный, несчастный Юн Хэвон, давно привыкший к избиениям. С отцом-алкоголиком, который обычно едва держался на ногах, когда приходил домой.

А потом умер и отец. Стал просто трупом в морге, и не было денег даже на простые скромные похороны. Да и желания хоронить тоже не было. Хэвон уже готов был подписать отказ от тела...

И тут Со Хэён, неизвестно чем движимый, вдруг дал денег на погребение.

Те дни Хэвон провел, растянувшись на теплом полу пустого траурного зала — ни родственников, ни слёз. Лишь пара дальних родственников мелькнула на пороге да ушла.

— Зачем ты помог?

Хэвон привык чувствовать себя в доме Со Хэёна как у себя, но с его родителями сохранял прохладную дистанцию.

Не то чтобы они запрещали: «Не водись с этим мальчишкой!» — просто им было все равно.

Разве что вторая сестра Хэёна иногда была с ним радушна. Но назвать их отношения близкими, чтобы без раздумий оплачивать похороны? Вряд ли.

В пустом траурном зале Хэён, лежа рядом и увлеченно играя в телефон, ответил с обычной для него небрежностью:

— Да просто так... Пройдешь уровень?

— Дай сюда.

Хэвон уже прошел концовку ритм-игры. Хэён, наблюдая за его пальцами, мелькавшими по широкому экрану, тихо пробормотал:

— У тебя красивые ногти, Юн Хэвон.

В тот момент пальцы Хэвона дрогнули, прервав серию комбо.

И тут он осознал: даже в душном, пропитанном химикатами воздухе похоронного зала, он четко чувствовал только запах Со Хэёна.

— Что ты делаешь?

Вращающееся кресло резко остановилось. Тхэгём, ухватившись за спинку, развернул его и наклонился. Его волосы — то выцветшие, то перекрашенные, а в итоге загубленные темным оттенком — взметнулись в воздухе и опали. Их лица оказались в опасной близости, почти касаясь носами.

Пахло сигаретами. Хэвон отстранился — он не хотел поддаваться искушению, особенно сейчас, когда цены на табак взлетели до небес. Тхэгём же, ухватившись за подлокотники, пододвинул его ближе к столу и себе

— Сукин ты сын... Ты же специально игнорируешь мои звонки, да?

— Звони тогда, когда не на работе, — ответил Хэвон, не отводя взгляда от его черных как смоль глаз.

Тхэгём фыркнул, выпрямился и наклонил голову на бок.

— Ты вообще сколько часов в день вкалываешь? Деньги хоть платят? Мне дашь?

— Платят. Сколько?

— Воу, даже не отказываешься?

Он бы не отказался, если бы дали. Нагло протянув обе руки, он наблюдал, как Тхэгём с недовольной гримасой копается в заднем кармане, достает кошелек и начинает в нем шарить. Три пятидесятитысячных купюры — Тхэгём положил их ему на ладонь, потом выпятил губы.

— Это вся наличка. Хочешь, переведу на карту?

— Можешь переводом.

— Жадный гадёныш...

Хэвон аккуратно сложил купюры втрое и засунул в карман брюк. Его взгляд скользнул между Тхэгёмом, который, ворча, устроился на краю стола. Неуловимо напоминая Со Хэёна, бесцельно раскинувшегося на кровати.

«Рыбак рыбака...» — мелькнуло у него в голове.

Птицы одного полёта.

— Даю тебе десять минут. В чем дело?

— Десять минут? Пятнадцать тысяч за десять минут? Ты что, совсем еблан, арифметику не освоил?

Ко Тхэгём. Один из тех, кого Со Хэён так и не выбросил из своей жизни. Может, потому что их родители были знакомы? Они встретились ещё в старшей школе и как-то умудрились сдружиться, но в отличие от Хэёна, Тхэгём всегда ощущался как четкая граница.

«Не водись с этим парнем!» — вот что кричала его интуиция. Типичный отпрыск богатой семьи. Даже если Тхэгём прикрывал высокомерие общительностью, Хэвон не был настолько слеп, чтобы не заметить просачивающееся сквозь щели этой маски презрение.

Но ввязываться в драку? Или вести пустые разговоры? Не было ни желания, ни уверенности в

победе. Да и денег на компенсацию ущерба тоже не имелось.

— Эй, Юн Хэвон.

Тхэгём, постукивая длинной ногой по ножке стула, на котором сидел, вдруг взял со стола фоторамку. В маленькой рамке была фотография со школьного выпускного — он там вместе с Со Хэёном.

— Я зову — ты игноришь, а Со Хэён позовет — сразу бежишь?

На выпускном семья Со Хэёна не появилась, а семья Хэвона не могла прийти.

И всё же, как ни удивительно, именно Хэён вставил в рамку ту самую фотографию — где он, сияя, улыбается во весь рот, выхватив букет у друзей.

На снимке Хэён смеялся так беззаботно, что, не удержавшись, Хэвон попросил его сделать копию и ему. Но тот лишь отшутился: «Если хочешь посмотреть — приходи в гости», — и Хэвон, хмуря брови, делал вид, что это ему неприятно.

Хотя на самом деле ему это нравилось.

— Так в чём дело? Хватит нести хуйню.

Хэвон опустил взгляд на свои коротко подстриженные ногти — не понимал, зачем тот назвал их красивыми — и в мыслях перебирал варианты ужина с Со Хэёном. На деньги, вытянутые из Тхэгёма, хотелось купить что-то вкусное.

— Эй... Давай повежливей!

Пока Хэвон безучастно витал в своих мыслях, Тхэгём внезапно сунул ему фоторамку прямо в лицо. Уголок рамки больно ткнул в щеку, заставив его поднять взгляд.

— Так куда ты предпочитаешь? Спереди или сзади?

Его глаза, полные гадкого любопытства, скользили по лицу Хэвона, выискивая реакцию. И даже каменное, бесстрастное выражение Хэвона дало трещину. Тхэгём ехидно усмехнулся, продолжая провокацию.

— А в процессе ты представляешь Со Хэёна? Только не говори, что у тебя уже встал?

— Сказал же — хватит нести хуйню.

Тхэгём, не стесняясь, провел взглядом по длинным ногам Хэвона, вытянувшимся из-под мешковатых шорт, поставил фоторамку на место и сложил ладони, будто молился.

— Что ты ломаешься... я же никому не расскажу!

Он тяжело вздохнул.

Вот почему он целый месяц избегал всех звонков.

Раскрыть Тхэгёму свои чувства к Со Хэёну было величайшей ошибкой в его жизни. Тайна, которую он хранил в одиночку пять долгих лет, в тот день превратилась в общую — теперь их было двое.

— Эй! Ну что тут такого, а?

Тхэгём постучал сложенными ладонями по своему подбородку — это ничуть не походило на просьбу. Скорее, напоминало угрозу.

Хэвон, потирая ноющий лоб, исподлобья наблюдал, как тот хихикает. Но вдруг смех оборвался — Тхэгём бросил взгляд на открытую дверь и резко понизил голос до шёпота.

— Хэво-о-ончик!

Когда Тхэгём сбрасывал напускную холодность и фамильярно звал по имени, в душе Хэвона поднималась тревога.

Он перенял эту манеру у Со Хэёна, который часто называл его «Хэвончик», и теперь использовал это как повод для насмешек.

Каждый раз, когда Тхэгём начинал так говорить, это предвещало только неприятности.

— Хэвончик, одолжи физру форму.

— Хэвончик, дай учебник.

Форма возвращалась порванной, учебник — исписанным похабными фразами и рисунками.

Конечно, Хэвон заставлял его возмещать ущерб. Денег на компенсацию у него не было, но схватить за шкирку — всегда пожалуйста. До сих пор всё, что у него отбирали, можно было вернуть, просто пригрозив кулаками.

Но на этот раз... все было по-другому.

— Давай переспим.

Он совсем уже?..

— Слушай, найди себе... кого-нибудь другого.

Больше нечего было сказать. Хэвон поднялся с кресла и попытался пройти мимо, но Тхэгём схватил его за запястье. Хватка оказалась крепче, чем можно было ожидать. Несмотря на игривое выражение лица, его слова пробирали до дрожи.

— О, точно! Слушай, а может мне ему рассказать? Со Хэён же терпеть не может такое... Что думаешь?

Хэвон грубо вырвал руку и провел сухими ладонями по лицу, будто пытаясь стряхнуть с себя его слова.

— Эй, Юн Хэвон.

Тхэгём обладал пронизательным умом. Подглядывать за истинными мыслями людей доставляло ему удовольствие — давалось это ему без труда.

Перед его цепким взглядом Хэвон, раздраженно вздыхая, был уже на грани срыва. Еще немного — и он сорвется.

Длинные глаза Тхэгёма сузились, затем вновь распахнулись.

Пришло время мягко подвести его к краю.

— Ты ведь знаешь? Стоит лишь намекнуть ему, и...

— И что?

Хэвону хотелось схватить Тхэгёма за шкуру здесь и сейчас, но слишком многое его останавливало. Во-первых, он был другом Со Хэёна. Во-вторых, он был богат. Ну и в-третьих, он был единственным, кто знал его тайну. Он был тем человеком, который в любой момент мог нашептать Хэёну что-то, что разрушит их и без того хрупкую дружбу.

Тхэгём пожал плечами, будто спрашивая: «Ну и что в этом такого?»

— Да брось. Что ты ломаешься? Просто один разок, и всё.

Голова пульсировала от боли. Хэвон, всем видом показывая отвращение, перевел взгляд на Тхэгёма.

Тот был полной противоположностью Со Хэёну — но это не значило, что он был некрасив. Несмотря на проступающую вульгарность, нехарактерную для богатого наследника, его черты оставались более чем привлекательными.

И именно это бесило больше всего — не было никакой причины так цепляться именно к нему.

— Ты... совсем рехнулся? С какой стати?

Это был вопрос, полный скорее презрения, чем любопытства. Тхэгём — тот, кого Хэвон даже в мыслях не рассматривал как возможного партнёра. И тут стоило повториться, что у него не было ни одной причины для этого!

Тхэгём, всё это время болтавший босыми ногами в тапочках, откинулся назад, упершись руками в стол. Его торс изогнулся под неестественным углом, а прокачанные мышцы напряглись.

— Просто захотелось попробовать как это с мужиком, а ты вроде симпатичный.

— Хрень собачья...

Даже если убегать бесполезно, человек всё равно инстинктивно стремится избежать неудобных ситуаций.

Хэвон уже собирался стремительно выйти из комнаты, как вдруг Тхэгём вплотную приблизился и прошептал ему в ухо:

— Как думаешь, ему понравится, если я расскажу ему, как ты облизывал его губы, пока он спал?

— Эй...

— Наш Хэвончик такой проказник. Но, помнится, ему этого было мало... Что, если я скажу, что ты отсосал ему? А? Может, ты уже и это сделал.

Тхэгём, притворно-дружески обняв его за плечи, начал водить пальцами по его подбородку.

Он был настолько холодным, видимо потому что лежал под кондеем, что по спине Хэвона пробежали мурашки.

И пока Хэвон ещё не опомнился, Тхэгём уже торопливо продолжил, словно боялся, что его перебьют.

— Подумай как следует. Тебе же это тоже выгодно, нет? Мало ли что. Вдруг тебе и правда повезет с ним переспать... Лучше заранее подготовиться, разве нет?

Это был чистый абсурд.

Хэвону отчаянно хотелось схватить что-то тяжелое и вдребезги разнести голову ухмыляющемуся Тхэгёму. Но причина, по которой он не мог пойти на такой риск, заключалась в Со Хэёне. Хэён не был тем, кто просто забывает подобные вещи.

Он запросто мог вычеркнуть даже десятилетнюю дружбу — одним махом. И речь не только об отношениях.

Репутация тоже могла пострадать.

Стиснув до боли зубы, Хэвон вышел в коридор.

Тхэгём говорил, будто даёт ему время на раздумья, но кто знал, когда этого непостоянного типа прорвёт. Невозможно было предугадать, когда и как у него развяжется язык.

Даже прочный мраморный пол под ногами теперь казался зыбким, словно тонкий лёд, готовый треснуть в любой момент.

— Разве здесь туалет? — раздался сзади знакомый голос, и Хэвон замер, будто споткнулся о собственные ноги.

Он рывком обернулся. Со Хэён, зажав между пальцами пустую палочку от мороженого, лукаво улыбался. Затылок онемел, а ладони мгновенно покрылись липким потом.

Слышал ли он? Понял ли, о чём говорил Тхэгём?

— Хэвончик. Нельзя же писать где попало.

Значит, не слышал...

При виде Со Хэёна, который, как обычно, смеялся и шутил над ерундой, волна облегчения

накрыла Хэвона. Напряженные плечи расслабились, и он выпустил что-то среднее между вздохом и смешком.

Они пошли рядом по длинному коридору — Хэён и он. И пока они шагали, Хэвон ловил себя на жалком желании: «Вот бы этот коридор никогда не заканчивался.»

Мысли о Тхэгёме растворились, как будто их и не было.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/13959/1228756>